День первого рейса был отмечен приятной и лучезарной атмосферой. Люк встал рано, тщательно завершив последние приготовления. В течение последних нескольких дней он каждое утро отправлялся в "Несравненный", якобы для того, чтобы уточнить детали прибытия "Непобедимого". Его целью было сделать так, чтобы, когда он отправится в это утреннее путешествие, все прошло гладко.

Рис поприветствовал его на стыковочной платформе. Двумя днями ранее Халлин покинул "Несравненный" под предлогом сборки личного оборудования в медицинском центре, готовясь к переходу на "Непобедимый" вместе с остальной частью команды "Наследника". Они все будут перемещаться вместе. Если Люк не мог положиться на системы корабля, он стремился, по крайней мере, верить в тех, кто его окружал.Сегодня Рис остался на "Несравненном", чтобы наблюдать за передачей командования. Люк оставил сообщение для Мары, в котором сообщал о своем намерении вернуться на Корускант следующим утром, как это было у него обычно в предыдущие дни. По прибытии во дворец он обнаружил, что его ждет "Лямбда-шаттл", который доставит его на "Непобедимый", где неподалеку стояла Мара, прикрывая глаза от полуденного солнца рукой.

Люк молчал в шаттле, чувствуя на себе пристальный взгляд Мары, хотя и не подавал виду. Его мысли были сосредоточены на "Непобедимом" и предстоящем нападении. Он знал о количестве персонала на борту, но не был уверен в том, куда они направляются. Он также понимал, что они направляются в нижний операционный зал, служащий резервным командным центром на случай сбоев в работе системы. Должен ли он вмешаться, чтобы уменьшить присутствие охраны? Нет, в случае неудачи начнется расследование, и он не должен быть замешан в этом деле.- Люк, - резко сказала Мара, и по ее тону можно было предположить, что она пыталась привлечь его внимание. “хм?” Мара наклонилась к Люку, чтобы ее тихий шепот мог слышать только Люк, но не пилоты, сидевшие перед ними в кабине шаттла. Даже там уединение было роскошью. “Что с тобой сегодня? Кажется, что вы находитесь где-то в другом месте галактики, по крайней мере, с тех пор, как поднялись на борт этого шаттла.

Люк ответил: “Ты же знаешь, Мара, что мне не нравятся эти мероприятия”. Чувствуя себя неловко, он отвел от нее взгляд, вместо этого его привлекло внушительное присутствие Непобедимой. Напряженный взгляд Мары остался незамеченным.Мара продолжила: “Когда ты только приехала сюда, ты была гораздо веселее. Я помню это. Ты всегда разговаривала, смеялась, шутила, поддразнивала. Помнишь, как ты назвала меня ‘Рыжей’? Меня всегда поражал твой… упругость. Вы отказываетесь позволить этому огромному и внушительному дворцу запугать вас. Там все перешептываются; это заставляет людей чувствовать себя незначительными.”

“Это всего лишь камень и известковый раствор, - сказал он, - но ты больше не улыбаешься”.

Мара продолжала: “Ты не смеешься. Я обожала твой смех, он был искренним. Никаких игр, никакого обмана или притворства, просто...” Она покачала головой, скорее встревоженная, чем разочарованная.

Несколько мгновений Люк бесстрастно наблюдал за ней, затем отвел взгляд, пытаясь сосредоточиться на предстоящем нападении. Но это вмешательство засело у него в голове, и он не мог игнорировать его, как и встревоженный голос Мары, по какой-то причине.

“Я действительно смеюсь”, - наконец сказал он очень тихим голосом. “Когда?” - "Каждый раз, когда ты пытаешься пройти бесконечную петлю со световыми мечами, я говорю", - ответил он достаточно громко, чтобы она могла услышать, слегка наклоняясь, как будто хотел коснуться

ее плеча. Однако широкое мягкое сиденье не позволяло ему прикоснуться к ней.

Мара ответила кривым "Спасибо", раздраженно закатив глаза. На мгновение они погрузились в молчание, Мара задумчиво опустила голову. Наконец, Люк положил свою руку на подлокотник рядом с ее, и их маленькие пальчики переплелись, заставив ее удивленно поднять глаза. Сначала она посмотрела на пилотов в открытой кабине, а затем снова перевела взгляд на Люка, застигнутая врасплох этим интимным жестом. Было рискованно находиться так близко на публике, но его инициатива была подобна легкому дуновению ветра, рассеявшему ее сомнения и полностью завладев ее вниманием.Как он мог это сделать? Он несколько мгновений поддерживал с ней зрительный контакт, прежде чем направить свой взгляд в сторону кабины пилотов. С преднамеренной осторожностью он позаботился о том, чтобы за ними никто не наблюдал, при этом незаметно взял ее за руку, их кончики пальцев были нежно переплетены.

Он знал, что она наблюдает за ним, и почувствовал, как в ее поведении что-то изменилось, словно облако рассеялось. - "Непобедимый", - наконец заговорил Люк, нарушая тишину. Его внимание было приковано к внушительному массиву "Супер звездного разрушителя" впереди. "Название несколько спорное", - заметил он.

Мара повернулась к нему лицом, бросила взгляд на пилотов, быстро собралась с мыслями, поняв, что его слова были обращены к ним. "Палпатин, как обычно, склонен к театральности", - прокомментировала она.

- Тем не менее, - ответил он, почувствовав ее легкое прикосновение к своему. В этом жесте чувствовалась игривость и сильное очарование, но он воздержался от дальнейших комментариев. - Ваш старый корабль был не так уж плох, - нейтрально заметила она, по-прежнему глядя перед собой. Люк на мгновение замер, его внимание на мгновение привлекла ее рука, лежащая на его руке, а также управление кораблем.

Он ответил: "Нет, я полагаю, это было не так уж плохо. На самом деле, по сравнению с имперскими стандартами это было довольно скромно. Однако я бы предпочел сохранить название. Возможно, вы могли бы спросить Палпатина, можем ли мы назвать следующее судно — в конце концов, он, кажется, полон решимости передать все корабли мне, - добавил он с оттенком игривости в голосе, его глаза все еще были прикованы к только что прибывшему эсминцу, который теперь доминировал на обзорном экране.

Легкая улыбка тронула уголок его рта, и это движение привлекло внимание Мары к шраму, пересекавшему его лицо, - черте, которую она никогда не находила непривлекательной. Она живо вспомнила, как он коснулся ее губ."Возможно, мы могли бы назвать это "Истерикой", - предложил он с ноткой поддразнивания в голосе. - Или, возможно, "Маленькой истерикой". - Она тихо рассмеялась. - Это неплохо, - ответила она.

— А как насчет "Не Беспокойся Об Этом - На Этот Раз Я Отделаюсь Предупреждением’? Слишком долго?

Она покачала головой. - Я не могу себе представить, что это вселяет страх в сердца людей, - сказала она, все еще глядя на его покрытые шрамами губы, страстно желая прикоснуться к ним.

Он улыбнулся. "Нет, это была бы Мара Джейд в ее худшем проявлении", - ответил он.

Она улыбнулась в ответ. - Спасибо. - Он ободряюще сжал ее руку, и ее улыбка стала шире. Они замолчали, вплетя пальцы в легкое, как дуновение ветерка, но в то же время совершенно

очаровательное прикосновение.

Через мгновение она сказала: "Я не думаю, что для этого нужен кто-то еще... кроме, возможно, вас. Возможно, мне следует упомянуть об этом императору".

Он усмехнулся. "Я думаю, Палпатину не помешало бы больше охранников", - пошутил он. "Посмотрите на одетых в штатское солдат и хунвейбинов, которых он в последнее время посылает вместе с техниками".Люк на мгновение замолчал, его глаза затуманились, а взгляд стал жестче, но голос оставался обманчиво небрежным. — Действительно, сколько? - спросил он, заставляя себя казаться беззаботным и пытаясь отдышаться. "Я не знаю, возможно, около двухсот", - ответил он. "Это любопытно — они не указаны в судовых журналах".

Мара взглянула на него, но отвернулась, когда он слегка улыбнулся. - Они были спрятаны среди рабочих, но, должно быть, где-то на борту "Непобедимого". Я не могу сказать, где он их хранит, потому что их так много, и ни один еще не вернулся, - сказала она.

Люк медленно кивнул, не сводя глаз с возвышающегося над ним Суперзвездного разрушителя. — Возможно, это его почетный караул, возможно, они отбыли раньше, - предположил он. Мара кивнула в знак согласия, ее интерес к этому вопросу был незначительным. - Возможно. Мне кажется, я видела, как вчера вечером отбыла его личная охрана, которая должна была отбыть сегодня на своих шаттлах и кораблях сопровождения", - добавила она.

После этого Люк почти ничего не слышал. Его мысли были заняты настолько, что он даже не помнил, как шаттл приземлился в огромном главном отсеке "Непобедимого". Он также не помнил, как проходил мимо шеренг штурмовиков, и не кивал высокопоставленным лицам Палпатина, когда их представляли. Когда он прибыл на командную палубу, то обнаружил два зеркальных операционных отсека, заполненных нервничающими офицерами.

Все происходило на автопилоте, и его мысли гудели, взбудораженные осознанием того, что Палпатин знал о готовящемся нападении. Люк не знал, почему он позволил этому случиться, но, должно быть, на то были причины. Теперь все, что имело значение, - это то, что он был в курсе, и был хороший шанс, что он также знал, как будет разворачиваться атака. Это означало, что если командные коды работали, то, вероятно, в системе было скрытое управление.

Возможно, Олинья действительно был скомпрометирован, или, возможно, Палпатину удалось внедрить шпиона в ряды повстанцев. Последнее было серьезным осложнением, поскольку ставило под угрозу жизнь собственного шпиона Люка.Возникло еще одно осложнение со зловещими последствиями: знал ли Палпатин, что Люк тоже в курсе? Было ли это еще одним испытанием для Люка? Палпатину нравилось проверять лояльность окружающих, и, возможно, это была своего рода сложная игра, в которую он ввязался.

Люк тщательно обдумал ситуацию со всех сторон, пытаясь успокоить свой мечущийся разум и увидеть все ясно, не затуманенное тщательно насаждаемой Палпатином паранойей и пропагандой. Нет, вопреки имиджу Палпатина, он не был всеведущим. Не было никакой связи между Люком и нападением, и он не мог доказать свою осведомленность, кроме как через свои собственные источники в Альянсе повстанцев. Учитывая секретность операции, Арго мог даже не знать о готовящемся нападении. Поскольку Палпатин не знал об агенте Люка, было разумно предположить, что она не была проинформирована об этой информации.Действительно, при тщательном планировании Палпатин мог бы даже отвести часть вины от Арго, направив своего собственного шпиона, чтобы разоблачить и уничтожить сеть источников Люка. Однако в данный момент все это было несущественно. Что действительно имело значение, так это

реакция Палпатина в тот день: окажет ли он помощь или воспрепятствует?

Собравшихся высокопоставленных лиц призвали к порядку. Люк осторожно вывел Мару в центр зала. Почувствовала ли она что-то неладное? Заметив затянувшееся молчание, Люк повернулся и коротко улыбнулся, плотно сжав губы. Император вошел в комнату, и его присутствие заставило всех замолчать. Люк грациозно опустился на одно колено, избегая прямого зрительного контакта, его мысли метались. Взгляд Палпатина был прикован к нему, и Люк понял, что тот ждет ответа. Ожидал ли Люк признания? Внезапно заявить о своих знаниях было бы ошибкой. Палпатин поймет, что Люк раскрыл правду, и соответствующим образом скорректирует свою стратегию. Все, что мог сделать Люк, - это притвориться невежественным.Беладон Д'Арка, церемониймейстер, начал свое выступление с поклона императору и Люку, отдав дань уважения обоим, прежде чем обратиться к привилегированному собранию, собравшемуся на официальный спуск эсминца на воду.

“Ваши превосходительства, джентльмены, я приветствую вас на борту новейшего флагмана Империи. Вы стоите на вершине технологического прогресса в галактике, возвещая новую эру могущества империи...”

Внимание Люка было сосредоточено не на словах или выступающем. Его взгляд был прикован к человеку перед ним, в голове проносились мысли о понимании. Да, судьба ударной группы повстанцев на борту была уже решена. Они просто еще не знали об этом.Независимо от их действий или действий лидера, они были обречены на провал. Главным правилом сабакка было не вмешиваться. Если лидер попытается помочь им, надеясь предоставить им возможность исправить их ошибочный план, он рискует оказаться замешанным в этом деле в лучшем случае как сообщник, а в худшем - как вдохновитель. Любой исход привел бы к серьезным последствиям. Для любого другого человека это привело бы к смерти. Однако, что касается Люка, Палпатин не стал бы лишать жизни своего драгоценного джедая. Он уничтожил бы его, как сделал это при их первой встрече. Люка вернут в эту камеру, как будто предыдущих четырех лет никогда и не было, и все его усилия и жертвы окажутся тщетными.

В голове Люка проносились воспоминания о его пребывании в плену, интенсивность которых сохранялась, запутывая каждую мысль наяву даже по прошествии такого долгого времени. Воспоминание об этих мгновениях вызвало бурю эмоций, сдавивших его грудь и заставивших сжать челюсти, а взгляд был устремлен в никуда, не обращая внимания на пышную и изящную церемонию, разворачивающуюся вокруг него.

Нет, он не мог позволить себе снова стать таким уязвимым. И он бы этого не сделал — не ради группы людей, которые стремились унизить его так же, как они свергли императора. Их целью было убить двух зайцев одним выстрелом. Такова была их правда — таким они видели его. Таким образом, он воспринимал их таким же образом. Чего бы они, по их мнению, ни смогли достичь, он превзойдет их — не с помощью показных выступлений и фанфар, а с помощью медленных и тихих махинаций, за кулисами, со схемами внутри схем.Действительно, это был самый благоразумный образ действий. Если бы он начал преследовать их сегодня, это, по крайней мере, продемонстрировало бы, что он не причастен к их замыслу. Если бы они были уничтожены, то погибли бы быстро и избежали допроса со стороны властей. Хотя уверенности в оправдании нет, предпочтительнее проявить осторожность. Более того, если бы его не заставили действовать, если бы ему был отдан приказ отступить, он бы тогда ничего им не был должен.Отдаленный голос Церемониймейстера эхом отдавался в сознании Люка, когда приближался момент расплаты, наполненный зловещим предчувствием и ощутимым напряжением. Его мышцы напряглись, когда он приготовился к тому, что должно было произойти.

"Флагман флота и наследник престола вот-вот встретятся, и, если верить истории, под его командованием они испытают массу удовольствия", - размышлял Люк. При его последнем замечании по залу прокатился взрыв вежливого смеха.

Люк оглянулся на собравшихся, пропустив мимо ушей ответ Д'Арки. Сжав челюсти, он заставил себя улыбнуться, поскольку его чувства воспламенились от предвкушения... Сейчас! На мгновение вспыхнул свет. Затем тяжелые противопожарные двери на мостике захлопнулись, и сработал массивный центральный замок. В коридоре за ним быстро закрылись многочисленные бронированные двери, которые с грохотом вернулись на свои места на мостике.Лицо говорившего потемнело, и он заколебался. Краем глаза Люк заметил, как один из членов оперативной бригады в шахте манипулировал кнопками управления на консоли, пытаясь снова открыть дверь.

Это только начиналось... Подождите минутку и не реагируйте слишком поспешно!

Дежурный офицер выглянул из ямы, его глаза встретились с глазами Люка, когда он подошел и обратился к члену экипажа: "Открой дверь!"

- Сэр, похоже...

- ОТКРОЙ ДВЕРЬ! Взревел Люк, протискиваясь мимо мужчины. У него не было ни малейшего желания находиться на мостике.

Красные гвардейцы, до этого незаметно державшиеся в углах обширного мостика, двинулись вперед с военной точностью, быстро окружив императора, вынуждая Люка лавировать между ними, чтобы продвинуться к все еще крепко запертым дверям. Несколько офицеров в центре управления, казалось, ниоткуда выхватили бластеры. С бешено колотящимся сердцем Люк потянулся к Силе в шести шагах от двери, и его рука поднялась в ответ. Его захлестнула волна потенциала и энергии.С пронзительным визгом защелка поддалась, и тяжелый центральный замок поглотил удар. Полетел сноп искр, и хунвейбины направили свое оружие на дверь. Они не знали, что причиной этого переполоха был Люк.Люк издал громкий крик, и его рука взметнулась вверх. Массивный запорный механизм, рассчитанный на то, чтобы выдерживать вакуум и силу взрывов, издал еще один глухой удар. Толстый круглый засов в центре противопожарной двери внезапно дернулся, сопровождаемый снопом ярких искр. В воздухе витал резкий запах сгоревших резисторов и изоляции, сопровождаемый клубящимся дымом.

Выброс адреналина позволил Люку сосредоточиться и направить еще один заряд энергии на центральный засов. На этот раз попытка полностью провалилась, сопровождаемая оглушительным скрежетом, когда пласталевую дверь разнесло на части. Открылась щель шириной в метр, и сплав запорного механизма разлетелся на куски со скрежетом разрываемого металла.

С силой, которая могла бы сокрушить стены, тяжелые двери со скрежетом вернулись на свои места. Люк продолжал удаляться от моста, не останавливаясь, и остановился только тогда, когда император обратился к нему.

Джедаи— оживите меня.

Палпатин заметил, как его волк коротко кивнул, его замечательные глаза блеснули во мраке холодно и непреклонно, как лед, прежде чем исчезнуть, оставив императора с доброжелательной улыбкой, его бледные губы приоткрылись, обнажая зубы. Его взгляд скользнул по собравшимся, их лица побледнели от потрясения от того, чему они стали

свидетелями. Они были хорошо осведомлены о возможностях ситхов, но это была явная демонстрация их мощи. Воспоминание об этом моменте навсегда останется в их памяти, как молчаливое свидетельство высвободившейся силы.

Если Палпатин был способен на такие подвиги против несгибаемого пластика и прочной органической стали, то какие чудеса он мог сотворить против плоти и костей? На мгновение самого Палпатина охватил страх, и его взгляд вернулся к разрушенному порталу с оттенком одобрения. Затем он повернулся к адмиралу Упсу и спокойным голосом произнес: "Адмирал, есть код, который вы должны ввести немедленно".

Люк был уже на полпути по главному коридору, успешно преодолев второй ряд защищенных от взлома дверей, когда оставшиеся перед ним начали открываться одна за другой, подтверждая его худшие подозрения. Палпатин получил еще один код, который можно было заблокировать.

Люк обратился к Полиции, пытаясь определить местонахождение повстанцев, зная, что, хотя на борту судна, несомненно, будет много встревоженных людей, сигнал тревоги еще не прозвучал, что указывает на то, что только повстанцы будут по-настоящему встревожены. Если они следовали плану, то сейчас уже должны были быть в Третьем оперативном центре, или…

Мысль была мимолетной, но его расчетливый шаг сбился, и он остановился, почувствовав тяжесть на груди, когда до него дошло. Бормоча проклятия себе под нос, Люк возобновил бег на полной скорости, лихорадочно соображая, что к чему. И снова все изменилось.

К тому времени, как Мара добежала до угла коридора, Люк уже добрался до турболифта и что-то бормотал себе под нос по поводу того, что лифт все еще закрыт. Он повернулся, чтобы спуститься по лестнице, но внезапно остановился, его взгляд стал жестче, а челюсть сжалась. "Оставайтесь с императором!" - проревел он.

Мара колебалась, зная, что его гнев направлен не на нее. Она разрывалась между желанием защитить двух мужчин, ни один из которых не был способен защитить себя. Но она решила последовать за Люком, проталкиваясь вперед.

Люк повернулся к ней лицом, вытянув руку и указывая пальцем. - ОСТАВАЙТЕСЬ С ИМПЕРАТОРОМ!!! - крикнул он резким голосом.

Она застыла, ошеломленная силой его ярости. Она видела ярость в его голубых глазах, слабый отблеск огненно-желтого свечения в их уголках.Люк уже повернулся спиной к запертой двери, ведущей к аварийной лестнице. Быстрым движением руки он сорвал ее с петель, и она с грохотом покатилась по металлическим ступеням. Звук эхом разнесся по пустому помещению, оставив Мару в нерешительности, стоит ли преследовать ее. Она оглянулась на мостик и своего наставника, когда раздался пронзительный сигнал тревоги, заставивший ее вскочить и броситься бежать.

К тому времени, когда Люк добрался до Третьей операции, повстанцы исчезли. Это было неудивительно, учитывая, что была поднята тревога, предупреждающая об их присутствии. Хотя они, вероятно, знали, что их обнаружили, когда были отрезаны от системы, их побег был ограничен. Люк был уже близко, всего в одном повороте лабиринта коридоров. Он подумывал о том, чтобы незаметно отключить камеры наблюдения, но их присутствие все еще ощущалось в его сознании.Это позволило ему точно определить их местоположение, когда они бежали, преследуя их с чувством ярости и негодования по отношению к повстанцам за то, что они

позволили ей прийти, и к ней за то, что она настояла на том, чтобы сопровождать их. Все еще кипя от гнева, он перешел на быстрый шаг и потянулся за своим световым мечом.

Лея на предельной скорости выскочила из-за поворота, а ее команда следовала за ней по пятам, остро ощущая, как тикают часы. Ей не следовало приходить; Хан был прав, ее присутствие здесь было ничем иным, как помехой для Альянса. При мысли о том, что ее могут захватить живой и использовать в качестве еще одного лидера повстанцев для имперской пропаганды, у нее по спине пробежали мурашки.Тяжелые взрывозащищенные двери, к которым они бежали, закрылись со зловещим стуком, разделив группу надвое. Охваченная паникой, Лея бросилась к запертой двери. Глубокий, необъяснимый страх охватил ее. Характерный звук вывел ее из задумчивости. Время, казалось, замедлило свой бег, и несколько оставшихся солдат подняли свое оружие и нерешительно двинулись вперед. Низкий, гортанный гул наполнил воздух, когда активировался световой меч. Лея резко обернулась, ее собственное дыхание громко отдавалось в ушах.

И увидела фигуру в темном одеянии, входящую в запечатанный проход... На краткий миг, когда темно-красное сияние рубинового светового меча осветило темный угол в дальнем конце коридора, она почти ожидала увидеть Вейдера... Но фигура, шагнувшая вперед, с темными волосами, частично скрывавшими безумные глаза, напряженным телом, готовым к бою, почему-то казалась еще более угрожающей. Раздался первый выстрел, заставивший Лею отшатнуться, но он не поднял клинок; он даже не попытался использовать его, чтобы отклонить снаряд.Вместо этого он поднял левую руку и без особых усилий парировал лазерный разряд, в результате чего тот сдетонировал о стену в короткой вспышке едкого света, подобной той, что Вейдер совершил на Беспине. Когда остальные открыли огонь, Лея на мгновение почувствовала проблеск надежды из-за того, что огромный огонь удерживал его на расстоянии. Тем не менее, он издал первобытный рев ярости и бросился вперед, прорываясь сквозь оперативную группу, как будто они были всего лишь насекомыми, одинокий человек, противостоящий целому отряду. Но они все равно пали.

Сверкающее малиновое лезвие служило непробиваемым щитом, без особых усилий отражая бластерные разряды. Энергия, разряженная в стенах и потолке, создавала яркие искры, которые на мгновение вспыхивали, а затем рассеивались в темноте, оставляя комнату погруженной в смутные тени. Объектив системы безопасности взорвался, рассыпавшись снопом жгучих искр, его осколки посыпались на землю.Ослепительно-белые вспышки выстрелов освещали сцену отрывистыми вспышками, запечатлевая мимолетные кадры того, как группа разнималась и отступала, не имея пути к отступлению. Лея отчаянно развернулась, пытаясь отпереть дверь позади себя, но от обгоревшего механизма разило опаленной схемой. Переняв опыт Хана, она направила свой бластер на панель, готовая вскрыть дверь. Сильный жар обжег ей пальцы, когда она ударила по тарелке, выругавшись, когда та не сдвинулась с места. После недолгой борьбы ей удалось отодвинуть ее в сторону, но все, что находилось за ней, было уничтожено.

Ее взгляд был прикован к замку, она моргала от периодических вспышек света и наступающей темноты. Она приказала себе сосредоточиться, не оглядываться и не прислушиваться, ее единственной целью было взломать дверь. Внезапно все стихло. Она свернула в темный коридор, наполненный клубами дыма. Металлический привкус крови смешался с запахом горящей плоти, а едкий запах пороха обжег ей горло и глаза.Трупы тех, кого она знала, лежали повсюду, скрюченные и мертвенно неподвижные. Блюм, единственный оставшийся в живых солдат, встал перед ней, чтобы защитить ее. Видимость составляла всего несколько шагов. Свет был погашен, и в полумраке по стенам плясали искры. Она вздрогнула от внезапной яркости и громкого шума в темноте.

В центре мрака, окутанный клубящимся дымом, зловеще поблескивал алый клинок. Темный туман сворачивался от невидимого движения, отступая идеальными кругами, не желая приближаться к призрачной фигуре. Ситх медленно поднял голову, его кроваво-красный клинок опустился за спину, его кончик коснулся пола. Его разноцветные глаза встретились с ее — и Лея сделала то, чего никогда раньше не делала...

Она застыла, не в силах пошевелиться под этим пристальным взглядом. Время, казалось, растянулось в вечность. Реальность расплылась, превратившись в далекую дымку.Все, что имело значение, - это взгляд этих карих глаз, устремленный на ее голубые глаза разного оттенка. И что—то... что-то пронзило ее мысли, мысленный шепот с силой удара, взорвавшийся в ее сознании, ошеломивший ее, заставивший отшатнуться от его интенсивности.Прилив адреналина пробежал по ее венам подобно удару электрического тока, наполняя каждую мышцу ее тела приливом энергии. Она отшатнулась, когда дверь позади нее распахнулась, и чуть не упала с порога. В отчаянной попытке избежать поимки она схватила Блюма за руку и потащила его за собой.

Ни секунды не колеблясь, она развернулась и бросилась бежать, не вынимая бластер из кобуры. Тяжелая дверь с громким стуком захлопнулась, оставив штурмовиков по другую сторону. Она промчалась по оставшейся части здания, свернув в боковой коридор в поисках альтернативного пути к безопасности для себя и своих товарищей. Без промедления она крикнула своей команде следовать за ней, подгоняя их вперед.

Когда они приблизились к спасательному кораблю, штурмовики приблизились, но она по-прежнему не обращала внимания ни на их присутствие, ни на град бластерного огня, эхом разносившийся по коридорам, сосредоточившись только на том, чтобы добраться до корабля.Хан бешено жестикулировал, пока Чубакка приводил в действие двигатели украденного шаттла. Они поднялись на борт, трап закрылся за ними, и они взяли курс на гиперпространство, а по пятам за ними гнался рой эсминцев.

Хан маневрировал шаттлом, выполняя серию сложных поворотов, ругаясь себе под нос. Лея сидела в кресле второго пилота, отстраненная, словно статуя, мир вокруг нее был размытым и нечетким, реальность - пестрой пеленой красок и движения. Когда звезды превратились в полосы света, она осталась в кабине, сжимая в руке бластер, сердце бешено колотилось в груди. С каждым ударом сердца она делала неглубокий вдох, мысли ее лихорадочно метались. Она не думала ни о засаде, ни об их спасении... но в тот момент, когда его присутствие, словно лезвие, пронзило ее мысли, наполняя ужасом, одно слово эхом отозвалось в ее голове... “Беги!” — Она подняла свободную руку и посмотрела на нее - она продолжала дрожать.

Люк спокойно вернулся на мостик, штурмовики окружали его со всех сторон, но он не замедлил шага. Командир подразделения был вынужден повернуться и обратиться к нему.

"Сэр, повстанцы сняли изоляцию с шаттла", - сказал командир.

Люк спокойно ответил, его разум был погружен в Силу, и он почувствовал волну облегчения, которая захлестнула мысли солдат. Он ожидал гневной реакции на свое заявление.

- Отбой, - приказал Люк. - Заблокируйте все сектора и двери отсеков, и пусть все действующие подразделения начнут тщательный обыск каждого этажа, начиная с мостика. Сравните всех, кто находится на борту, с журналами безопасности дворца; не используйте бортовые записи. Кроме того, направьте техническую команду в диспетчерскую, где должны были находиться повстанцы, чтобы проверить, нет ли каких-либо скрытых сюрпризов в системах."

Он повернулся к другому солдату: "Комлинк". Солдат без колебаний протянул ему его. Было хорошо известно, что командир не носил оружия, а если бы и носил, это не вызвало бы сомнений.Адмирал Джосс ответил на запрос Люка коротким “Сэр? Статус?”

- Мостик в безопасности, коммандер. Больше не поступало сообщений о вторжениях, все внутренние коридоры опечатаны и охраняются. Бесстрашные, Виктори и Авангард заняли фланговые позиции, и ”Экзекутор" приближается.

Люк затаил дыхание, когда спросил: “А что насчет корабля повстанцев?” Он уже знал ответ, но должен был спросить.

Джосс ответил: “Корабль достиг скорости света, сэр, и мы были достаточно далеко от Корусканта, чтобы немедленно активировать двигатели. Траектория вычисляется, но слишком много переменных”. Он помолчал, прежде чем добавить: “Император просит вас прибыть, сэр”.

- Я буду там, - сказал Люк, стараясь не показывать своих эмоций перед командой.

К тому времени, когда Люк прибыл на мостик, охрана была ослаблена, и повсюду стояли только королевские гвардейцы. Высокопоставленные лица собрались плотной группой, как стадо овец. Палпатин стоял в стороне от суеты на мостике, наблюдая, как эсминцы приближаются к своей позиции и формируют вокруг себя защитный периметр.

Когда Люк приблизился, Палпатин немедленно повернулся и жестом велел ему встать. В его голосе звучало неподдельное одобрение. "Вставай, вставай, мой друг", - сказал он. "Мятежники ушли, мой дорогой. Корабль в безопасности, но, скорее всего, это была локальная угроза. Интересно, кто это был? Глаза Палпатина с желтыми крапинками блестели, а его бледное лицо казалось пепельным в свете огней эсминца.Люк ответил просто: "Мятежники", подразумевая, что его хозяин, если бы знал о нападении, не преминул бы вычислить его исполнителей. Снисходительный тон Палпатина подтвердил подозрения Люка в том, что его решение действовать было обоснованным. Неудивительно, что Палпатин был полностью осведомлен о ситуации, и решимость Люка противостоять повстанцам не осталась незамеченной.

- Откуда ты знаешь? Люк не смог удержаться от вопроса, несмотря на очевидность и бестактность вопроса. Он знал, что это правда, потому что Лея Органа, их союзница, присутствовала здесь, и если он мог чувствовать ее, то и его учитель, безусловно, тоже. Отрицать это было бы ошибкой, но признание придало бы уверенности, хотя он и не ожидал, что его хозяин произнесет это вслух.

Люк спросил: "Ты уверен?" Палпатин отвел взгляд, пряча лицо под складками своего объемистого бархатного капюшона. Люк испытал укол разочарования, за которым последовал ожидаемый ответ: "И вы позволили ей сбежать?" - "Я ничего не позволял ей делать", - сказал Люк, позволив голосу прозвучать достаточно раздраженно, чтобы выразить свое недовольство ситуацией. - Она совершила побег без посторонней помощи.

Люк поинтересовался: "Как ей это удалось? Как она выпуталась?" Выигрывая драгоценные минуты для размышлений... "Ответь на мой вопрос", - приказал он.Палпатин покачал головой. “Они оказались в ловушке в коридорах рядом с зоной проведения операций; я запечатал взрывозащищенные двери, чтобы сдержать их”.

“Мне нужно просмотреть записи — им каким-то образом удалось отпереть двери”, - сказал Палпатин, отводя взгляд, по-видимому, довольный. “Они, должно быть, использовали коды переопределения — я выясню, как они их получили”. Люк знал, что был слишком

снисходителен. Единственное объяснение, которое он мог придумать, заключалось в том, что Палпатин знал о личности Леи и пытался скрыть это. Таким образом, он решил бросить вызов самому себе; в конце концов, правда всплывет, и он, возможно, сможет переложить вину за открытые двери на кого-то другого.

- И все же двери не должны были снова открыться. Я не активировал механизм, чтобы закрыть их, - резко заявил Палпатин, пристально глядя на Люка. - Ты применил Силу?

“Да, противовзрывные двери, которые повстанцы запечатали во время первого штурма, снова были открыты. У меня не было времени связаться с мостиком, поэтому я запечатал их, заперев ее внутри”. Я думал, что разрушил систему, которую невозможно восстановить, — размышлял Люк. "Его невозможно открыть снова", - сказал Палпатин, отводя взгляд с притворным спокойствием. Возможно, вы ошиблись, - добавил он. Люк знал, что Палпатин знал о его способностях и пытался скрыть их от него.

Люк двинулся вперед, понимая, что его действия могут спровоцировать Лею Органу, которая, как он подозревал, обладала некоторыми скрытыми способностями, находящимися под ее контролем. Однако на этот раз риск был оправдан. Лея уже была мишенью Империи, и Люк хотел знать, был ли ее статус в списке связан с тем, что она возглавляла восстание, или Палпатин также знал о ее чувствительности к силе.

Люк закрыл противовзрывную дверь, чтобы убедить Палпатина в своем намерении захватить Лею, и теперь ему предстояло объяснить свое решение снова открыть ее, чтобы освободить ее. "И... Мне кажется, я что-то почувствовал, - предположил он. - Ты ранен, - заявил Палпатин, заставив Люка опустить взгляд в неподдельном изумлении. Во время короткой перестрелки он, должно быть, получил удар шрапнели, но не заметил этого из-за маскирующего действия адреналина и концентрации. Когда он поднял левую руку ладонью вверх, то увидел длинную глубокую рваную рану, тянущуюся от запястья до мизинца. На кольце, которое он носил, скопилась засохшая кровь, образовав полосы на ладони и переплетаясь между пальцами.

Палпатин протянул руку и схватил Люка за руку. Этот неожиданный жест застал Люка врасплох, и он на мгновение попытался отстраниться. Однако император придвинулся еще ближе, поднеся свою руку еще ближе, и Люк напрягся, почувствовав неожиданное прикосновение. Его хозяин осторожно прикоснулся пальцами к повреждению, слегка раздвинул его и внимательно осмотрел. "Это требует наложения швов. Позаботьтесь об этом", - проинструктировал он.Люк снова попытался отдернуть руку, но Палпатин продолжал сжимать ее, пристально глядя на него снизу вверх осмысленным взглядом. Люк почувствовал сильный дискомфорт, но император ослабил хватку, позволив Люку высвободить руку. Пальцы, испачканные кровью, скользнули по его коже, оставляя за собой неприятный след. Люк быстро взял себя в руки и отвесил короткий поклон, прежде чем отвернуться, стараясь держаться подальше от мастера.

- Во-первых, - объявил Люк, когда голос Палпатина разнесся по всему мостику и был слышен всем, - я хочу назвать космический корабль, для запуска которого я прибыл сюда. По толпе пробежал неуверенный ропот, но Палпатин улыбнулся, не сводя глаз со своего джедая на дальнем конце моста. В зале воцарилась выжидательная тишина, когда все обратили свое внимание на императора, который вышел на центр сцены, привлекая всеобщее внимание, не отрывая взгляда от Люка.Когда он, наконец, соизволил обратить свой взор на собрание высокопоставленных лиц и офицеров, он сделал это с видом самообладания, излучая высочайшую самоуверенность, гарантируя, что этот момент не будет забыт.- Я подумывал назвать его "Непобедимый", но это было бы всего лишь названием. Это судно и его капитан, наследник моей империи и верховный главнокомандующий моего флота, заслуживают чего-то

более выдающегося. Что-то, что ознаменует сегодняшние события и признает верность и самоотверженность его капитана. Корабль, который я сегодня спускаю на воду, будет назван в его честь..."

Палпатин смотрел на Люка через мостик не с принуждением или запугиванием, а со снисходительным одобрением, и почему-то это тревожило Люка больше, чем что-либо другое, что происходило раньше. От слов Палпатина холодок пробежал по груди Люка, сковывая его в тревожном напряжении: "Настоящим я нарекаю это судно "Патриот", пусть оно служит еще долго". По залу прокатился вежливый гул аплодисментов, но Люк никак не отреагировал. Он сохранял прежнюю тревожную неподвижность, не сводя глаз со своего хозяина.

Наконец, он глубоко вздохнул и заставил себя пережить этот момент, отвесив сдержанный поклон, прежде чем повернуться и в глубокой задумчивости покинуть мост.

- Что ж, похоже, ты - звезда месяца, - небрежно заметил Халлин, возвращаясь в медицинский отсек на "Патриоте". Закончив накладывать швы на руку Люка, он смазал рану герметиком.

Люк вопросительно взглянул на дверь. - Почему это?

Халлин ответил: "Я слышал о новом названии эсминца. Это стало известно всему флоту. Просто старое название больше не подходило наследнику. Сам Палпатин приходил повидаться с вами. Кто-то предложил проводить его сюда, но, похоже, он был не в настроении ждать.

Люк снова посмотрел на дверь, осознавая, что его учитель ушел. Он почувствовал облегчение, больше не думая о том, что означает новое назначение. Он понял, что оно имеет двойственное значение, сродни его собственному сегодняшнему возрождению. Хотя ему следовало бы быть довольным тем, что император оказал ему доверие, он не мог избавиться от чувства неловкости.Он поразмыслил над этой мыслью и понял, как легко было рационализировать свои действия для достижения поставленных целей, как легко их можно было оправдать и как легко он мог оправдать средства. - Не могли бы вы подробнее рассказать о том, что произошло, мои дорогие однополчане? - спросил Халлин, аккуратно раскладывая инструменты в стерильном контейнере.

Люк оглядел медицинский отсек, пытаясь восстановить самообладание. Он не смог обнаружить никакого оборудования для наблюдения, но это было новое судно, и он не был уверен. Произошел незначительный инцидент, который был улажен. Больше он ничего не мог сказать.

- О, очаровательно. Спасибо за подробности, - ответил Халлин, возвращаясь к своему занятию.Некоторое время назад Натан получил сообщение с борта "Несравненного" о ранении Люка. В краткий миг беспокойства он узнал, что повреждения были незначительными, и Люк связался с ним из медицинского учреждения на "Непобедимом", или, скорее, "Патриоте", заверив его, что причин для беспокойства нет. Это была всего лишь царапина, и дроид позаботился о ней. Тем не менее, его профессиональная гордость в сочетании с тем фактом, что он отвечал за транспортировку, заставили его настоять на посещении Люка. Таким образом, Люк просто накладывал марлю на свою рану до прибытия Натана, чтобы наложить швы.

Люк утверждал, что он мог бы выполнить работу на высшем уровне, но при этом выражал огромное восхищение, когда пациент время от времени морщился. "Я думаю, теперь вы можете идти", - заявил Халлин. "Швы будут сняты через четыре или пять дней, как обычно". Люк спустился с медицинской койки, огляделся по сторонам и дотронулся до своего кольца. "Где мое кольцо?" Спросил Люк. Халлин поднял глаза.“Мое кольцо, которое я ношу на мизинце —

мне было приказано снять его, когда я приеду, — я положил его сюда”, - сказал он, указывая на поверхность рядом с собой. “Прямо здесь был хирургический поднос”, - добавил он.

Искреннее беспокойство в голосе Люка заставило Халлина нахмуриться. - Я не помню, чтобы видел здесь что-нибудь, когда приехал… по крайней мере, насколько я помню, нет, ” ответил он. Халлин развернулась и вошла в большую процедурную, Люк последовал за ней. Увидев на столе два металлических подноса с окровавленными мазками, Люк быстро обошел Халлина и поднял поднос поменьше.

— Он был здесь - дроид велел мне снять его, чтобы промыть рану, и я положил его на этот поднос. Я не видел, чтобы кто-нибудь снимал его. - Теперь в его голосе звучали панические нотки, и Халлин в замешательстве огляделся. — Один из медицинских дроидов, должно быть, забрал поднос - они, должно быть, сняли мое кольцо. - И что с того? Подносы остались, как и тампоны. Что бы дроид... — Люк замолчал, и выражение его лица изменилось. - Палпатин, - сказал он.

- И что с того? Спросил Халлин.

Люк повернулся к нему, его глаза горели. - Он был здесь. В соседней комнате — он видел это. Это заняло бы у него всего мгновение.

Халлин был ошеломлен горячностью Люка. "Был ли в этом какой-то смысл?"Люк молчал, его мозг лихорадочно работал, когда он осознал серьезность их ситуации. Это не имело значения — ему нужно было действовать быстро и добиваться возвращения кольца. Палпатин, по всей вероятности, знал о его значении, хотя сам Люк понятия не имел, как Палпатин мог получить такие знания. Знала ли об этом его мать... узнал бы об этом Палпатин? Заметил ли он это во время их встречи на мосту, когда коснулся руки Люка?

Нет, переименование судна было подлинным — Люк был в этом уверен. Но его поразила другая мысль, заставившая его сердце сжаться при мысли о последствиях — не предал ли он доверие, которое ему на короткое время оказали? Люк, зная, что Палпатин по своей сути обладает кольцом, направился на станцию связи, где связался с мостиком.

- Джосс, император все еще на борту?

- Нет, сэр. Некоторое время назад он отбыл во дворец со своим эскортом, - ответил Халлин, наблюдая, как Люк стоит перед коммуникатором, его рука занесена над передатчиком, а мысли кружатся вихрем. Наконец, вздохнув, он покачал головой, стиснув зубы и смиренно закрыв глаза.Что означало это кольцо и почему оно было таким важным? Люк выругал себя за невнимательность и устало и раздраженно потер пальцами переносицу. Он никогда не снимал кольцо — никогда. Что заставило его сделать это сегодня, оставив его на виду?

Обычно Люк просто перекладывал кольцо в другую руку для сохранности, поскольку не в его характере было проявлять небрежность. Однако после похвалы императора он почувствовал себя неуютно, и это состояние не покидало его даже в медицинском центре. Иногда он разочарованно вздыхал, а в другой раз задавался вопросом, не свела ли его спонтанная реакция на удар коленом к нулю. Это была вопиющая оплошность, поскольку он никогда раньше не терял кольцо, поэтому не мог понять, почему это произошло сейчас. Один шаг вперед, два шага назад, когда он завоевал доверие императора, что-то произошло. Он начал замечать закономерность: он мог играть в игру только ограниченное время, прежде чем это становилось неудобным, и казалось, что он подрывает свой собственный прогресс.Иногда разрыв связей с императором был осознанным решением, следствием логических рассуждений

его разума. Однако часто он неожиданно для себя спотыкался или наступал на пятки. Или, что еще хуже, он спотыкался и наступал на пятки как раз в тот момент, когда собирался действовать. Что ему следовало сделать, так это подождать, дать Палпатину остыть и обдумать ситуацию в свете более широкого контекста событий того дня. Что ему действительно следовало сделать, так это оставить все как есть.

Он вздохнул, когда Халлин нахмурил брови и заговорил в свой коммуникатор: “Джосс, не могла бы ты прислать мне шаттл?”

- Куда ты идешь? Спросил Натан, и в его голосе послышалось беспокойство.

Люк ответил ровным голосом, не оборачиваясь: “Я собираюсь пойти поискать Палпатина”. Его тон был напряженным, выдавая внешнее спокойствие, которое он пытался сохранить.Халлин спросил: “Ты действительно не собираешься встретиться с ним лицом к лицу? Это было бы сродни обвинению императора в воровстве, но даже в этом случае это кажется незначительным по сравнению с вашим ответом, который наводит на мысль, что здесь замешано нечто более значительное.”

Люк ответил: “Да”, - его тон был полон хрупкого спокойствия. “Это единственное, что действительно принадлежит мне, и это единственная связь, которая связывает меня с моим прошлым. Хотя я не могу сказать об этом вслух, это также единственная связь, которая у меня есть с моим отцом, и я должен решить ее, прежде чем это станет проблемой”.

Люк понимал, что Палпатин все равно привлечет его к ответственности за свои действия, поэтому он решил встретиться лицом к лицу с последствиями. Он изобразил безразличие, пытаясь казаться беспечным, но в его взгляде безошибочно угадывался огонь, неприкрытая решимость, указывающая на то, что он не позволит Палпатину уйти невредимым.

- Он будет добиваться возмездия, - заявил Люк, - но я также хочу вернуть кольцо.

Это был неожиданный поворот событий, когда Люк сразу же получил доступ в императорскую резиденцию. Он обнаружил, что проходит через большой зал, его огромные размеры и потрясающая акустика создавали внушающую благоговейный трепет атмосферу. Холл был украшен высокими двойными лестницами, которые обрамляли стены, облицованные черным деревом и базальтом, что придавало помещению еще большую роскошь.

Вдоль проходов, обрамленных колоннами, по стойке смирно стояли ряды королевской стражи, их блестящие алые мундиры резко контрастировали с похожими на пещеры тенями, окутывавшими помещение. Дворец всегда был окутан прохладной атмосферой, с высокими стенами из граненого оргстекла, которые были затемнены почти до темноты, отбрасывая бесконечные полосы приглушенных отблесков.

В тягостной тишине эхом отдавались шаги Амедды, начальника стражи, сопровождавшего Люка в зал для аудиенций. Амедда остановился перед дверью и слегка поклонился, но его глаза так и не встретились с глазами Люка. Люк глубоко вздохнул, готовясь ко всему, что его ожидало впереди.Зал для аудиенций был высоким и мрачным помещением, украшенным замысловатой стеклянной мозаикой, изящно выложенной на стенах и потолке. Замысловатые узоры темных оттенков создавали ощущение клаустрофобии, несмотря на размеры зала.

В самой дальней стене было большое окно, украшенное медными полосами. Его приглушенное свечение позволяло проникать в комнату слабому сумеречному свету. Император стоял перед окном, повернувшись спиной к аудитории, и его тяжелые одежды поглощали любой свет,

попадавший на них. Он взял себя в руки, зная, что нерешительность или сомнения недопустимы в присутствии его хозяина.

Люк приблизился, шагнул вперед и остановился перед Палпатином, автоматически поклонившись, коснувшись земли одним коленом.Палпатин долгое время оставался неподвижным, и когда он, наконец, обратился к Люку, в его голосе звучало убийственное спокойствие. Юный джедай не отрывал взгляда от земли, страх охватил его сильнее, чем когда-либо прежде, но не из-за страха перед императором. В прошлом он уже сталкивался с гневом Палпатина и знал, что за неповиновение ему последует жестокое возмездие. Однако ему всегда удавалось выжить.

Мысль, которая эхом отдавалась в голове Люка, была о том, что он может потерять единственную связь со своей матерью — кольцо. Как ему рассказать об этом отцу? Его отец так долго хранил кольцо, и Люк многим рисковал, солгав об этом. Если бы Палпатин узнал о существовании кольца, он, скорее всего, уничтожил бы его и обратил свой гнев на Люка. С другой стороны, если бы Люк раскрыл правду, в этом оказались бы замешаны и он, и его отец. Независимо от исхода, Люк мог потерять кольцо. Почему он был готов так сильно рисковать из-за такого пустяка?Возможно, ему следовало просто встать и уйти. Отказаться от кольца и уйти восвояси - вот чего хочет от него Палпатин. Объявить это бесполезным и любопытным, не более того, и принести извинения. Если бы он это сделал, то ушел бы невредимым. Отпустите кольцо.

Он не мог далеко уйти от истины. Другого объяснения кольцу не было, но детали можно было изменить. Я расспросил о своей матери, и на следующий день кольцо прибыло ко мне домой. Теперь он был заключен в тюрьму. Он обманул своего хозяина, и этот поступок он совершал много раз до этого, но никогда не совершал ничего подобного. Палпатин был в ярости. Слишком многое было под угрозой. Сосредоточься! Сконцентрируйся! Не упусти это сейчас.

Император довольно долго оставался неподвижным, напряженная тишина висела в воздухе, как прелюдия к буре. Он слегка наклонил голову, но не повернулся. Как будто один только взгляд на мальчика мог вывести его ярость из-под контроля, он спросил: "Что он тебе сказал?" Поверил ли он?Не дал ли он Люку возможность еще больше изобличить себя, усилив ткань обмана? Должен ли он продолжать или остановиться сейчас, пока еще есть время отступить? На самом деле, было уже слишком поздно, но он хотел смягчить вину своего отца. Он не мог отрицать или скрывать это; связь между его отцом и кольцом была неоспорима... но он мог смягчить ее, скрывая одну правду за другой. Возложив вину на Палпатина, он мог предотвратить надвигающуюся катастрофу.- Ничего, - сказал Люк, его сердце бешено колотилось. Он продолжал смотреть вниз, сохраняя самообладание, но мысли его были заняты другим. Палпатин, наконец, повернулся к нему, на его лице была тонкая пелена спокойствия. - Тогда зачем ты носишь кольцо? Люк поднял глаза, заставляя себя встретиться взглядом с Палпатином, не в силах подавить вспыхнувший в его глазах вызов.

“Потому что она была моей матерью”. Палпатин снова замолчал. Люк боялся, что дал Палпатину достаточно веревки, чтобы тот повесился. Он не смог связаться со своим отцом и теперь сожалел об этом. Если бы Палпатин набросился на него, если бы его отправили в подземелья под дворцом, Вейдер столкнулся бы с Палпатином неподготовленным.

Палпатин недоверчиво склонил голову набок. - И все же, когда твой отец ничего тебе не сказал, ты просто принял это? Люк отвернулся, на его лице отразилось разочарование, и он стиснул зубы. - Нет, я этого не делал.- У нас были разногласия. Он сообщил мне, что это не мое дело, заявил он, скрупулезно перечисляя те же детали, но с тонким различием между нежеланием вдаваться в подробности и отказом предоставить дополнительную информацию.

Далее он сказал, что было бы непросто уследить за всеми тонкостями, поскольку он уже много раз занимался этим раньше, хотя и не часто с такими значительными последствиями. Далее Люк добавил, все еще раздраженный молчаливостью своего отца, что какими бы правами, по мнению его отца, он ни обладал, он давно от них отказался.

Палпатин пристально смотрел на коленопреклоненного джедая, не отрывая взгляда от молодого человека, стоявшего перед ним. Молодой джедай запнулся, его поведение выдавало внутреннее смятение. Он осознал серьезность своей ошибки, поскольку знал, что Палпатин был его единственным хозяином, и других не было.

"Каждый раз, когда я даю вам повод доверять мне, вы даете мне повод сомневаться", - заметил Палпатин. Молодой человек молчал, опустив голову. Было ли его раскаяние искренним или просто притворством? Достиг ли он совершенства в искусстве обмана? Палпатин молча созерцал молодого джедая, осознавая мириады секретов, которые таились в нем. Как мог этот молодой человек не быть чистым листом в восприятии своего учителя? "Встань и посмотри мне в лицо", - приказал Палпатин. Юноша встал, его самообладанию противоречило царившее внутри смятение. Палпатин заметил, как по венам молодого человека заструился адреналин, а в глазах появилась решимость. С каждым вздохом грудь молодого человека вздымалась, пока он изо всех сил старался успокоиться и твердо смотреть в глаза.

В молодом человеке не было ничего примечательного, за исключением того, что он казался нервным, но, с другой стороны, у него были на то веские причины. Палпатин сделал три быстрых шага к джедаю, окидывая его пронзительным взглядом. - Ты хочешь сказать, что я лгу? юноша, не дрогнув, выдержал его взгляд. - Нет, господин, - невинно пробормотал он, слегка покачав головой, скрывая правду за маской искренности. Может быть, он научился этому у самого Палпатина?Император устремил на мальчика печальный взгляд, его карие глаза испытующе сузились, когда их взгляды встретились, не бросая вызов, но и не уступая. Долгие мгновения они оставались неподвижными. Палпатин обратился к нему с помощью своей Силы, используя весь свой острый опыт. Молодой человек стоял неподвижно, окутанный вынужденным спокойствием. Что бы он ни скрывал, Палпатин не мог этого разглядеть. Наконец император в смятении удалился. Его темная мантия превращала его в тень в сгущающихся сумерках, когда он на несколько мгновений погрузился в глубокое раздумье. Затем, когда он повернулся, в его бледной, как у скелета, руке было кольцо. На его поверхности виднелся тонкий слой засохшей крови.

Глаза молодого человека загорелись при виде кольца, и Палпатин понял его значение. Речь шла не только о том, что молодой человек осознал свою ошибку, завладев кольцом, и даже не о выполнении своих обязательств перед отцом. Кольцо значило для молодого человека нечто большее. Это символизировало связь с женщиной, которая родила его, связь, которую он глубоко ощущал, хотя они никогда не встречались.Императора Палпатина охватил прилив ярости при мысли о том, что молодой человек ценит эту женщину исключительно по биологическим причинам. Палпатин, который так упорно боролся за свою преданность, на которую, по его мнению, он имел право, увидел, что она была отдана другому человеку добровольно, основываясь только на генетическом совпадении.

Палпатин оказался в неловком положении, изо всех сил пытаясь удержать внимание молодого человека на себе, когда женщина уже ушла, и даже воспоминание о ней казалось непреодолимым препятствием. Тонкая, горькая улыбка заиграла на губах Палпатина, когда он осознал сложность ситуации. Выражение его лица стало суровым, и он двинулся вперед с мрачной решимостью.

Если молодой человек так страстно желал чего-то, он мог это получить, хотя и дорогой ценой. Палпатин преподал бы ему урок о силе знания и его правильном использовании. Звук сминающейся ткани, ударившейся о твердый пол, когда он сделал свой первый шаг, все еще был способен проникнуть в сознание Люка и перенести его обратно в камеру.Невыносимая боль, которую причинял ему его безжалостный мучитель при каждом входе в комнату, была невыносимой. Шелест ткани пробуждал воспоминания, которые были слишком яркими, чтобы их можно было игнорировать, даже в нынешнем состоянии духа Палпатина.Слова Палпатина были пропитаны горьким ядом, каждый слог сочился презрением, когда он подошел ближе, его черты исказились в маске отвращения.

"Твоя мать была перебежчицей", - прошипел он, и его голос был как удар ножа. "Заседая в Сенате, она сеяла раздор и ложь, подрывая его авторитет и расширяя трещины в разваливающейся республике. Она пришла к власти на платформе оппозиции сепаратистам, но по мере роста ее влияния она ставила под сомнение действия Сената по отношению к ним. Она защищала тех, кто сражался против Старой Республики, которую вы так почитаете, и именно она организовала смещение Финиса Валорума, последнего настоящего канцлера Республики. Ее махинации привели его к падению."

Мальчик сжал челюсти, в его глазах вспыхнул вызов, но он промолчал. Палпатин понял, что задел за живое.Она возглавила делегацию из двух тысяч человек, что раскололо Сенат надвое и непоправимо ослабило его. Она предала, ниспровергла и расколола ту самую Республику, которой, как она утверждала, служила.

Твой отец простил ее, но за это пришлось заплатить. Он снова и снова закрывал на это глаза, но получил горький урок. Внешнее спокойствие мальчика начало рушиться, и он отступил на шаг перед натиском, не в силах слушать, но и не в силах уйти, поскольку его хозяин все еще держал кольцо в руках.

Палпатин, скривив губы в злобной усмешке, продолжал говорить, выставив кольцо перед собой. - Потому что она предала и твоего отца. Именно твоя мать привела Оби-Вана к твоему отцу, зная, что джедаи намеревались убить его в юности. Я отправил его в безопасное место за пределы Корусканта. Твоя мать привела убийцу твоего отца на Мустафар, оставив Оби-Вана там погибать в одиночестве, - заявил Палпатин.Люк отшатнулся, его отрицание было ощутимым, и он отвернулся, задыхаясь, как от физического удара. Палпатин, стоявший рядом, отказался предложить утешение. Подойдя ближе, он схватил Люка за руку, заставляя повернуться к нему лицом.

"Я говорю правду? Имею ли я на это право?" Настаивал Палпатин.

Люк выдохнул: "Да!" Высвободился из его хватки, его голос прервался от разочарования: "Да..." Палпатин отпустил его, наблюдая, как поникли его плечи и голова. Он торжествующе улыбнулся и произнес: "Ты все еще хочешь получить кольцо?"

Молодой человек довольно долго молчал... Затем поднял голову. Его разноцветные глаза, ярко-голубые и вызывающие, как всегда, "Да", - сказал он, протягивая дрожащую руку.

Палпатин с отвращением отвернулся, отшвырнув кольцо в тень.Люк повернулся, все еще держа руку вытянутой, и кольцо, описав изящную дугу по темному полу, легло ему на ладонь. Он заколебался, глядя на нее, затем сжал в кулаке... Затем развернулся и ушел, не произнеся ни слова.

Палпатин стоял один в полумраке, по-прежнему повернувшись спиной к двери, с

торжествующей ухмылкой на лице.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1246192